

СОВЕСТЬ КОММУНИСТА

Тамара Золотарева в роли академика Сабуровой.

ПРЕЖДЕ, чем академик Сабурова появится на сцене, пройдет добрая треть спектакля «Единый свидетель». Так уж построили свою пьесу драматурги Ариадна и Петр Тур, что выходу главной героини предшествует множество разговоров о ней. Мы узнаем, что Анна Сабурова — крупный хирург, руководитель института нейрохирургии, автор сложнейшей операции на мозге, которая так и называется «операция Сабуровой». Международная ассоциация хирургов присудила ей редкую и эффе́нтную награду «Золотой скальпель» — символ вершины хирургического искусства. Когда герои спектакля говорят о Сабуровой, их голоса начинают звучать приглушенно: в них слышится и уважение, и некоторый страх перед всемогуществом этой необычной женщины, и ирония: «сама Сабурова», «самодержница Анна», «крупномстительна, как каждый крупный человек».

Зритель задолго до первого выхода Сабуровой готовится к встрече с человеком необычным.

И с первого же появления Тамара Онисифорова Золотарева, исполнительница роли Сабуровой, должна переключить внимание на себя — дать понять, что героиня ее действительно так значительна, как обещали зрителю.

Мы встречаемся с Сабуровой на студии телевидения, где зарубежная делегация готовится поздравить ее с предстоящей церемонией вручения «Золотого скальпеля».

Конструкции, установленные на сцене художником Евгением Манке, создают ощущение стерильности, чистоты, прозрачности, обилия света, воздуха. Это символический ультрасовременный город, в котором взаимоотношения людей должны быть чисты, прозрачны.

Когда по ступенькам этих конструкций впервые выходит на сцену Сабурова, трудно понять, отсюда она или из другого города, другого мира. Пожалуй, она лучше смотрелась бы среди массивных колонн и крупных лепных украшений.

Красивая пожилая женщина. Красота величественная, тяжеловатая. Костюм вроде бы и современный, но — курсистский бантик у воротничка блузки... А главное, среди всех спешащих (до начала передачи — оставшие минуты) она одна спокойна. Какая счастливая уверенность в своей интересности для окружающих у этой женщины! Какая многолетняя привычка и всеобщему восхищению, даже преклонению, чувствуется в каждом ее жесте...

Авторы пьесы дали Сабуровой в этой сцене не самый лучший текст — женщина с характером Сабуровой должна бы говорить проще и умнее. И в том, как Золотарева сумела наполнить эти надуманные фразы умом, обаянием зрелости, тонкой иронией, чувств у нее — большое мастерство антрисы.

Нам сразу же стало интересно следить за Сабуровой, мы чувствуем в этой своенравной женщине личность на редкость незаурядную.

И вот этой самой Сабуровой, в которой мы уже почувствовали самоуспокоенность и давно установившуюся уверенность во всегдашней своей правоте, ей говорят горькие слова о том, что она уже не в состоянии сделать операцию, автором которой является. Не может — руки не те. Административная работа, разъезды, представительства... А время ушло, руки потеряли былую гибкость. Да и другие хирурги уже усовершенствовались «операцию Сабуровой», делают ее лучше, чем автор.

Детская обида в глазах Сабуровой. Неожиданный удар! И — перед самой операцией. Лучше всего — стать за операционный стол и доказать всем, кто посмел и не посмел бросить ей такой несправедливый упрек, что всем им далеко до ее мастерства и опыта. Вот они, ее руки — сильные, гибкие, настоящие руки хирурга. Золотарева протягивает вперед руки, и мы видим вдруг, как испуганно сжимаются они в безобидный и бессильный женский кулачок. Руки — не те уже...

Сабурова отказывается от операции. Правда, деплет это так, будто одарят наградой того, кто смеет ее в операционной (держать себя в руках она умеет). Но что-то в ней, кажется, сломано...

Вдруг осталось в ней сил только на месть?

(«Крупности тел и н а», помните?).

Авторы пьесы всячески стараются сгустить атмосферу, им уже почти удается переключить внимание зала на в общем-то придуманные страхи заместителя Сабуровой — Мартына Садовникова. Но мы помним глаза Сабуровой — Золотаревой, ее скорбную позу, когда по телевидению следит она за операцией, отданной в чужие руки... Антриса уже успела дать нам понять, что ее героиня не совсем то, что говорят о ней люди, обеспокоенные в данном случае больше своим благополучием, нежели успехом общего дела.

Потом Сабурова придет и Садовникову, и Золотарева даст нам в короткой сцене такой сложный букет чувств, что и объяснить-то все это трудно. Остается только следить за глазами антрисы, за ее мимикой, голосом и запоминать, запоминать...

Доброта — и понятное, в общем-то, стремление расплатиться за обиду, понимание своей вины и нежелание показать это окружающим, и еще много всего...

А в финале мы вдруг замечаем, что Сабурова очень хорошо вписывается в легкий, чистый и прозрачный силуэт города будущего. Не получилось трагедии человека, который отстал от времени, Сабурова сделала вывоч вперед. Она снова — хирург самого высокого класса. И не спрашивайте, чего ей это стоило — победить возраст, привычки, характер. Все равно не скажет. Она горла — академик, бывший главнокомандующий коммунист Сабурова. Ее единственный судья — собственная совесть. А совесть коммуниста Сабуровой можно довериться.

Самое интересное в этом спектакле, на мой взгляд, работа антрисы Тамары Онисифоровны Золотаревой.

И. МОРГУЛЕС.

Фото А. Колющенко.

* А. и П. Тур «Единый свидетель». Челябинский государственный драматический театр имени С. Цвиллинга. Режиссер — заслуженный артист РСФСР П. Е. Кулешов. Художник — Е. К. Манке.